

ПУШКИНЪ

ВЪ РАЗВИТІИ НАШЕГО САМОСОЗНАНІЯ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевскаго Университета 26 мая 1899 года.

Проф. Е. Шмурло.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

*Игорю Вишняковскому
Трабаро
на добрую память*

ПУШКИНЪ

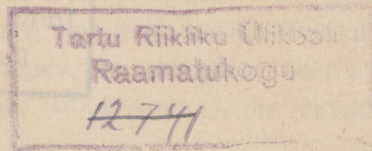
*душевною иуданит
авиури*

ВЪ РАЗВИТІИ НАШЕГО САМОСОЗНАНІЯ.

12. I. 902.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевского Университета 26 мая 1899 года.

Проф. Е. Шмурло.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Универ-
ситета“ 1899 г.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

14140

Нѣтъ, весь онъ не умереть:
Онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа. . .

М. Г-ни и М. Г-ри! Одинъ за другимъ всходимъ мы на эту кафедру, одинъ за другимъ пытаемся охарактеризовать ту или иную сторону дѣятельности гениальнаго поэта, но если бы насъ явилось сюда вдвое, втрое, вчетверо болѣе, и если бы каждый изъ насъ избралъ себѣ темою какую-нибудь наиболѣе выпуклую черту въ поэзіи Пушкина, то и тогда, съ увѣренностью скажу, не исчерпать всей этой многосторонней, всеобъемлющей, — я хотѣлъ бы сказать, этой многогранной фигуры. . .

Не столько тотъ десятокъ минутъ, какимъ я располагаю, не столько недостатокъ времени, сколько именно эта многогранность не позволяетъ мнѣ даже и пытаться очертить нашего Пушкина во весь его ростъ. А между тѣмъ задача такъ заманчива! . . . Такъ хотѣлось бы, именно отступя на нѣкоторое разстояніе, бросить взглядъ заразъ на всю творческую дѣятельность поэта! . . . Поэтому позвольте хотя бы только подчеркнуть эту сторону Пушкинскаго таланта, хотя бы только остановить ваше вниманіе на этой

всеобъемлемости его поэзіи, охватившей самые разнообразныя настроенія и запросы человѣческой души, съумѣвшей заглянуть въ самые затаенныя, самые священные тайники человѣческой мысли.

Многосторонность Пушкина, быть можетъ, всего ярче обрисуетъ при сопоставленіи его съ другими поэтами и художниками русскаго слова, на фонѣ той односторонности, съ какою является талантъ остальныхъ.

Дѣйствительно, возьмемъ ли мы, на примѣръ, Жуковскаго — съ нимъ прежде всего и преимущественно вступаешь въ область романтизма, туманной дали, въ міръ фантазіи, неясныхъ стремленій, заоблачныхъ высей, въ міръ чего-то одновременно и страшнаго, и сладкаго. Въ этой области Жуковский, безспорно, силенъ; но чуть вышелъ онъ изъ своей сфѣры, — и сила его поэзіи сразу теряетъ свои крылья. Поэзія Лермонтова есть негодующій протестъ оскорбленной личности, чувство, близкое къ мести, во имя поруганной воли, себялюбиваго Я; съ именемъ Некрасова давно уже связывается представленіе о поэзіи, черпавшей свое вдохновеніе, у „музы мести и печали“; Гоголь — неподражаемый сатирикъ, но все же только сатирикъ: все остальное въ его поэтическомъ творчествѣ блѣднѣетъ, ступевывается передъ этою чертою таланта; Островскій — такой же неподражаемый бытописатель, но специально купеческой жизни, и только. Идемъ далѣе. Вотъ, на примѣръ, Фетъ, этотъ поэтъ личнаго настроенія, тонкихъ ощущеній души, неуловимыхъ движеній человѣческаго сердца; вотъ Достоевскій — поэтъ больной души; вотъ лира Надсона — болѣзненный плачь ноющаго, изстрадавшагося сердца. . . Подбирайте, если угодно, другіе примѣры; но повсюду мы найдемъ въ сущности одно и то же. Я не хочу сказать, что всѣ эти поэты намѣренно смотрятъ въ одинъ какой-нибудь излюбленный уголокъ; нѣтъ, всѣ они, и крупныя, и второстепенныя, откликаются также и на другіе мотивы, кромѣ своего главнаго;

но какой-нибудь одинъ, данный, всегда преобладаетъ у нихъ надъ остальными, перевѣшиваетъ ихъ, оттѣсняетъ, затушевываетъ.

Не то Пушкинъ! У него, не затушевывается ничто, у него ничто не подавляетъ другого. Гармонія душевнаго равновѣсія у него постоянна. Съ рѣдкостною силою таланта, съ неподражаемою легкостью, съ изумительной ясностью, съ восхитительной гибкостью формы, съ непередаваемой граціей, всегда воздушной и свободной, подобно мягкому дуновенію вѣтра, — онъ одинаково мастеръ во всѣхъ родахъ поэзіи, и въ лирикѣ, и въ эпосѣ, и въ драмѣ; онъ одинаково мощенъ, и какъ историкъ своего общества, и какъ пророкъ, вѣщающій божественный глаголь; одинаково обаятеленъ, и какъ поэтъ чуткаго женскаго сердца, и какъ баянъ, воскресившій намъ сказочный міръ родной старины. . . И любая струна, по которой онъ ударилъ, поетъ для слушателя родными, знакомыми звуками.

Въ этомъ отношеніи другого таланта подъ пару Пушкина въ русской литературѣ намъ не найти: Пушкинъ стоитъ одинокимъ. Правда, какъ разъ въ наше время, на рубежѣ двухъ столѣтій, подобно старому вѣковѣчному дубу, одинокимъ колоссомъ среди остальныхъ соратниковъ по литературному перу стоитъ другой великій писатель, другая слава и гордость Русской земли; но, при всей поразительной мощи его психологическаго анализа, при всей яркости и законченности художественныхъ образовъ, въ силахъ ли будетъ даже и онъ сравняться съ геніальнымъ поэтомъ? . . .

Это-то умѣнье отозваться, все охватить, эта-то многосторонность натуры и дѣлаетъ Пушкина понятнымъ для всѣхъ и каждаго. Кто только не читаетъ его, кто только не восхищается имъ! Не даромъ услышите вы его и въ народной аудиторіи, и въ ученомъ собраніи, въ театрѣ и на музыкальномъ концертѣ; его читаютъ и въ деревенской школѣ, и въ кабинетѣ высокообразованнаго человѣка, и въ

великосвѣтскомъ салонѣ; не только читають, — его изучають: въ университетѣ, въ печати. . . Пушкинъ близокъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ состояніямъ, всѣмъ ступенямъ образованія. У него есть что сказать и ребенку, и взрослому, и старику, богатому и бѣдному, образованному и полуграмотному; любое стихотвореніе Пушкина, любое настроеніе его найдетъ своего читателя, найдетъ свой отголосокъ. Поэтъ поведетъ васъ на шумные пиры въ честь Вакха и Киприды и рядомъ съ этимъ дастъ вамъ усладу въ торжественно-молитвенномъ самоуглубленіи; онъ изобразитъ вамъ бурную, кипучую страсть, отъ которой такъ и вѣетъ африканскимъ пламенемъ, и тутъ же вы услышите изъ устъ его нѣжный, цѣломудренный шепотъ юной любви; онъ подниметъ васъ на самыя горнія, онъ дастъ испытать вамъ счастье прощенія, усладу въ горделивомъ чувствѣ патриотической радости, научитъ съ уваженіемъ относиться даже къ падшему врагу, который „міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщаль“ . . . и тутъ же займетъ васъ самой обыденною мелочью, спустится до самыхъ житейскихъ интересовъ, въ родѣ грязи на одесскихъ мостовыхъ — и все это будетъ проникнуто такою искренностью чувства, такой теплотой и задушевностью, такой разительной, жизненной правдою, облечено въ формы такого высокаго поэтического созданія, что долго, долго стоите вы очарованный, съ умиленіемъ и благодарностью слѣдя за тѣмъ яркимъ и чистымъ потокомъ свѣта и добра, который льется на васъ отъ лучезарной фигуры поэта. . .

Гибкость и всесторонность таланта Пушкина не проявились, можетъ быть, нигдѣ съ такою яркостью и наглядностью, — именно яркостью, въ столь ослѣпительномъ блескѣ, брызжащимъ и, казалось, никогда не способномъ ослабнуть — какъ въ произведеніяхъ на темы изъ чужой жизни, изъ чужихъ временъ и нравовъ, — черта уже не разъ останавливавшая вниманіе наблюдателя. Тутъ онъ очаровываетъ, подобно волшебнику, и нить за нитью, точно

гирлянды благоухающихъ розъ, нанизываетъ передъ вашимъ удивленнымъ взоромъ. Поэтъ точно хочетъ сказать вамъ: „Для меня не существуетъ ни времени, ни пространства, ни той оболочки которую мы зовемъ національностью, и которая такъ часто и сильно мѣшаетъ намъ уловить черты чуждаго духа“. . . . Что иному дается, какъ результатъ многолѣтнихъ усилій и наблюденій, стѣбитъ напряженной работы мысли, упорнаго изученія — то Пушкинъ схватываетъ и воспринимаетъ одною лишь силою своего изумительнаго генія.

Вспомните его „Пророка“, переложеніе молитвы Ефрема Сирина, „Подражаніе Корану“. . . . Развѣ не библейскимъ Востокомъ, сильнымъ своею близостью къ Богу, дышать эти слова:

И вняль я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье. . . ?

Развѣ это не голосъ народа, привыкшаго бесѣдовать съ Творцемъ неба и земли, гордаго въ сознаніи, что никто иной, какъ онъ — „народъ избранный“:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей. . . ?

На почвѣ того же Востока выросла и великопостная молитва, которую такъ неподобно переложилъ Пушкинъ. Правда, она знакома была ему, какъ и любому изъ насъ, еще съ ранняго дѣтства; но есть ли въ русской литературѣ другая, подобная же, которая бы такъ властно овладѣвала нашимъ настроеніемъ, столь ощутительно рисовала нашему воображенію полутемные своды храма „во дни печальные великаго поста“, клубящійся дымъ церковныхъ кадильницъ, трепетное мерцаніе лампадъ передъ иконами святыхъ и то

сладкое чувство смиренія, съ какимъ, при звукахъ этихъ проникновенныхъ словъ никнешь долу въ тревожномъ сознаніи своихъ грѣховъ и пламенномъ желаніи скорѣе омыть ихъ, очистить себя? . . .

Тѣмъ же Востокомъ, но на этотъ разъ уже мусульманскимъ, вѣетъ отъ переложеній Корана. Какъ полны чисто арабской мистики эти противопоставленія:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой! . .

Какая пламенная вѣра въ Бога, ищущая выраженія своему представленію о Творцѣ, какъ о Существѣ, который . . . править вѣтромъ; въ знойный день
На небо посылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну тѣнь. . .

Какой фанатизмъ (а имъ вообще такъ богатъ исламъ!), какой восторженный энтузіазмъ правовѣрнаго, для котораго нѣтъ высшаго наслажденія, какъ разить враговъ во славу Аллѣха:

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньѣ своемъ
Рекутъ: „Возьмите насъ съ собою“,
Но вы скажите: „Не возьмемъ“.
Блаженны падшіе въ сраженіи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ. . . .

Подобно магу и чародѣю, переносить насъ Пушкинъ неоконченнымъ отрывкомъ „Цесарь путешествовалъ“ въ

эпоху императорскаго Рима. Въ изящной простотѣ этого строгаго стиля, чуждаго риторическихъ украшеній, въ спокойномъ ритмѣ этой сдержанной рѣчи, глубоко прочувствованной и сильной своимъ убѣжденіемъ, въ этихъ короткихъ предложеніяхъ такъ и слышится перо Тацита или Светонія. Съ первыхъ же строкъ, за внѣшней оболочкой разсказа, вы уже погружаетесь въ міросозерцаніе той эпохи, когда человѣческая жизнь ставилась ни во что, когда люди, пресыщенные земными благами, лишены сильныхъ желаній, разставались съ жизнью, какъ съ ненужной игрушкой, и умирали подъ ароматъ еміамовъ, съ улыбкой на устахъ, — той эпохи, когда благородство позы, красота движеній цѣнились выше благородства души, когда міръ, коченѣя отъ душевнаго холода, еще не успѣлъ прозрѣть и понять, чего ему не достаетъ — любви, чистой, святой любви . . . Подъ перомъ Пушкина этотъ маленькій случайный разсказецъ преобразился въ самую изящную и тонкую работу; какъ истый художникъ-ювелиръ, онъ мастерски отшлифовалъ свой алмазь и въ затѣйливой игрѣ его лучей отразилъ намъ цѣлый уголокъ изъ жизни древняго Рима.

Наконецъ, захочется ли вамъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ окунуться въ жизнь средневѣковой Германіи — откройте его „Скупаго рыцаря“; захочется вчитаться въ думы и мысли древняго грека — берите его подражанія „древнимъ“, Анакреону; а то, если хотите, поэтъ унесетъ васъ на мощныхъ крыльяхъ своей прихотливой фантазіи далеко, далеко, въ тотъ поэтическій, полуволшебный край, гдѣ ночи такъ темны, гдѣ очи красавицъ такъ черны, а шпага противника такъ остра, неотвратима:

Я здѣсь, Инезилья,

Стою подъ окномъ!

Объята Севилья

И мракомъ, и сномъ!

Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащемъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Я здѣсь подь окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
 Тебя разбуджу!
 Проснется ли старый —
 Мечомъ уложу . . .

Въ одномъ уже размѣрѣ этого чуднаго романа сколько рѣшимости, истинно-испанской страсти, бурной, едва сдерживаемой, готовой на все, сосредоточенной на одной жадной мысли! Развѣ это не настоящая Испанія, по крайней мѣрѣ та, какою мы преимущественно, хотя, можетъ быть, и одно-сторонне, привыкли представлять ее отсюда, на далекомъ разстояннн съ нашего сѣвера? . . . Глухое безмолвіе кругомъ, полный мракъ; во всемъ мірѣ бьется одно только горячее сердце пламеннаго любовника да чуть слышные аккорды гитары страстнымъ шепотомъ зовуть его милую. . . И развѣ до васъ не доносится біеніе этого сердца? Развѣ не видите вы, какимъ восторгомъ, какою любовью горять эти глаза? . . .

Поэтъ, съ такой поразительной силою умѣвшій проникнуться чужимъ настроеніемъ, схватить міросозерцаніе, то есть, душу живу отдаленныхъ, даже отжившихъ народностей, тѣмъ съ бѣльшимъ совершенствомъ долженъ былъ воспринять черты родной ему жизни. Всеобъемлемость Пушкинской поэзіи была въ сущности только основою, на которой развернулся мощный геній поэта и породилъ то, что и составляетъ его истинный вкладъ, главнѣйшую заслугу передъ потомствомъ — раскрытіе національныхъ особенностей русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, мотивы изъ жизни Востока, древняго Рима, Германіи или Испаніи насъ могутъ плѣнять, восхищать, приводить въ изумленіе — но вся глубина Пушкинскаго творчества, весь безпредѣльный размахъ его генія раскры-

ваются лишь тамъ, гдѣ онъ рисуетъ намъ жизнь и бытъ русскаго народа въ разнообразнѣйшихъ его проявленіяхъ, начиная съ природы и кончая изображеніемъ духовнаго склада, заглядывая въ самые сокровенные тайники, въ святая святыхъ народныхъ помысловъ, чаяній, желаній. И въ жизни русскаго общества скоро минетъ уже вотъ столѣтіе, какъ поэзія Пушкина, безъ преувеличенія, стала неисчерпаемымъ источникомъ для всѣхъ, кто хотѣлъ оглянуться вокругъ себя, — познать самого себя.

Впервые лишь съ Пушкина ознакомились мы съ истинно-художественными образами русской природы, именно съ тѣми особенностями, какія присущи ей въ нашихъ широтахъ и климатѣ. Зачастую мы не примѣчаемъ этихъ особенностей, онѣ примелькались намъ и мы не отдаемъ себѣ въ нихъ отчета. Но раскройте Пушкина, и онъ нарисуетъ вамъ картину, восхитительную по своей прелести, изумительную по своей точности и реализму. Какой натуралистъ изображалъ съ большей правдой и чутьемъ, напримѣръ, нашу весну:

Гонимы вешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мутными ручьями
 На потопленные луга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Синѣя блещутъ небеса;
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой;
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей . . . ?

Кто изъ предшественниковъ Пушкина сдумѣлъ нарисовать такую яркую картину осени, когда „лѣсовъ таин-

ственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ“ обнажается; когда ложится „на поля туманъ“, и къ югу тянется „гусей крик-ливыхъ караванъ“? . . . ту осень, когда дохнетъ

осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. . . ?

или когда

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле. . . ?

Русская зима полна разнообразія и оттѣнковъ — въ разнообразныхъ формахъ представилъ ее и Пушкинъ. Сколько новыхъ ощущеній несетъ она за собою:

Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ. . . !

Въ нашемъ воображеніи возстаютъ образы то спящей царевны въ непробудномъ снѣ:

. недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ nocturnыхъ;

то волшебницы изъ старой, забытой сказки:

Клоками повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами

Среди полей, вокруг холмовъ,
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла съ пухлой пеленою. . . .

Впервые лишь у Пушкина мы познакомились съ прелестью тихаго деревенскаго вечера :

Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужь расходились хороводы ;
 Ужь за рѣкой дымясь пылалъ
 Огонь рабочій ;

съ томящимъ уединеніемъ въ длинный зимній вечеръ, когда

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя ;

съ бодрымъ настроеніемъ въ морозное солнечное утро, когда

Подъ голубыми небесами,
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ,
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Поэтъ одинаково ярко, съ одинаковой любовью рисуетъ намъ и пышную столицу съ ея „темнозелеными садами“, ея „оградъ узоръ чугунный“, ея

задумчивыхъ ночей

Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный. . . .
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранить, —

и глухую деревню,

избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ, равнины скать отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса

иль

. . . рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали разсыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные и мельницы крылаты. . .

Незатѣйливый пейзажъ нашей равнины, снѣжныя неприступныя вершины Кавказа, грустный шумъ голубыхъ волнъ Чернаго моря, ликующій день, вновь ожившій вслѣдъ за разсѣянной бурей — все, все нашло отраженіе въ кристальной поэзіи Пушкина.

Но природа, среди которой живетъ человѣкъ, не есть ли частица самихъ насъ? . . . Развѣ не чувствуется, хотя бы инстинктивно, глубокая, таинственная связь съ окружающей насъ обстановкой? . . . И вотъ почему картины русской природы, въ изображеніи Пушкина, рисуя эту обстановку, въ сущности вводили насъ во внутренній міръ нашей собственной жизни. Дѣло не въ картинѣ, нарисованной поэтомъ, но въ тѣхъ аккордахъ, какими она для насъ звучала. А вѣдь этими аккордами полны всѣ творенія Пушкина! . . .

Если поэтъ счумѣлъ плѣнить насъ своею „зимой“ или „осенью“, то еще болѣе неотразимымъ явился онъ тамъ, гдѣ заглядываетъ въ нашу собственную душу, гдѣ говоритъ о самихъ насъ. Человѣка вообще, движенія его сердца, полетъ его ума, волненія его души — все это знакомо было намъ и раньше; но впервые только Пушкинъ уловилъ движеніе русскаго сердца, впервые только у него этотъ полетъ и эти волненья обрисовались съ той окраскою, съ той индивидуальностью, какія присущи именно русскому человѣку. Странное дѣло! Мы прожили почти тысячу лѣтъ, а еще не знали самихъ себя! Видѣли, ощущали, но не давали себѣ отчета. И только теперь, въ этихъ чудныхъ сказкахъ и балладахъ впервые отчетливо раскрылась передъ нами душа русскаго народа, съ ея вѣрованіями и надеждами, горемъ и радостями. Царь Сал-

танъ, князь Гвидонъ, королевичъ Елисей, старикъ рыбакъ „со своею старухой“ перенесли насъ въ такую сѣдую старину родного прошлаго, которая, казалось, совсѣмъ уже ушла отъ насъ навсегда; „Бѣсы“, „Утопленникъ“, „Русалка“ неожиданно приподняли завѣсу, скрывавшую особый міръ, гдѣ жизнь — и при томъ совсѣмъ подлѣ, бокъ о бокъ съ нашей — была полнымъ ключемъ, а мы ее до сихъ поръ и не замѣчали. . . Устами Пушкина заговорилъ „простой“ народъ, и впервые образованнымъ людямъ XIX в. сталъ понятенъ его языкъ, та пѣсня, которую пѣлъ онъ изъ края въ край земли русской. И насъ неудержимо захватилъ широкій, величавый размахъ этой пѣсни, ея эпическая простота, трезвая правда, то нравственное здоровье, какимъ отъ нея дышетъ. Въ этой „грубой, мужицкой“ оболочкѣ, къ своему изумленію, мы увидали нѣчто намъ близкое, родное и дорогое; почувствовали, что выросли изъ тѣхъ же понятій и что сознать это неожиданное родство — значитъ, почерпнуть себѣ новыя силы, новую мощь.

А русская женщина! Трепетная Татьяна, скромная Марья Ивановна, наивная старушка-няня, несчастная русалка съ ея беззавѣтной любовью! Какой новый чудный міръ открытъ былъ гениальнымъ поэтомъ! . . . Раньше мы тоже не подозрѣвали его присутствія; раньше намъ и не въ домекъ было, какое безцѣнное сокровище въ нашихъ рукахъ, и при томъ всецѣло наше, нами созданное, — богатство, которое остается только растить и множить, чтобы черпать въ немъ новыя духовныя силы. . .

А этотъ разладъ мысли и желаній, борьба съ собой и съ окружающею средою! „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, — этотъ неумирающій типъ, живущій подъ иными формами среди насъ и по настоящую еще пору! „Английская складка“ не помѣшала ему быть продуктомъ чисто-русской почвы, и если современный историкъ справедливо ищетъ его прототиповъ еще въ отдаленной старинѣ, то

впервые обнаружить существование самого типа удалось лишь художественной прозорливости поэта.

Наконецъ, весь бытъ и строй нашей жизни, провинціальній и великосвѣтскій, помѣщичій, чиновничій! Перелистуйте хотя бы одного только „Евгенія Онѣгина“: для насъ — это воскреснетъ цѣлая эпоха недавняго прошлаго, для современниковъ Пушкина — это было зеркало, гдѣ они впервые увидали себя, поняли, кто и каковы они...

Да, М. Г-ни и М. Г-ри, поэзія Пушкина, взятая въ ея цѣломъ, дала намъ неоцѣнимое сокровище: она раскрыла намъ глаза, давъ возможность увидѣть, познать самихъ себя.

Что такое познаніе самого себя?

Народное самопознаніе выражается въ проникновеніи сходными идеалами и интересами, въ сознаніи у даннаго общества своего національнаго Я, своей индивидуальной особенности и отличія среди другихъ народностей, — въ потребности и стараніи выдѣлить эту индивидуальность, не смѣшивать съ другими, — наконецъ, въ желаніи во что бы то ни стало отстоять ее отъ враждебнаго натиска, въ незыблемой готовности обезпечить ей просторъ и свободу.

Вѣками строилась Русская земля — соотвѣтственно этому росло, крѣпло въ русскомъ обществѣ и сознаніе своихъ національныхъ отличій, своего духовнаго облика. Много славныхъ работниковъ потрудилося на этой благодородной нивѣ. Первоначально наше самоопредѣленіе носило характеръ религіозный; позже мы выдѣлили свое Я подъ влияніемъ политической идеи, подъ могучимъ ростомъ государственнаго организма. Окутанные сѣдымъ туманомъ прошлаго, отодвинулись отъ насъ далеко вдаль великіе борцы монгольской эпохи — они отстаивали русскую вѣру и жертвовали собою для блага будущихъ поколѣній; нѣсколько ближе, но тоже далеко стоятъ и тѣ, кто нѣкогда въ тиши московскаго захолустья терпѣливо собиралъ наши разрозненные силы и ковалъ броню на защиту потомства; съ

благодарной памятью вспоминаемъ мы и тѣхъ отважныхъ, большей частью безвѣстныхъ героевъ, которые въ тяжелую годину вынесли на себѣ разрушительный шквалъ, что съ такой беспощадной яростью пронесся было три вѣка тому назадъ надъ Русской землей и чуть совсѣмъ не погубилъ работу прежнихъ поколѣній. . . Дивною, величавой фигурою вырастаетъ передъ нами Петръ и, бросая длинную тѣнь на прошлое, „заститъ собою весь древній періодъ русской исторіи“, открывая новые пути, новые горизонты для роста народнаго самосознанія. Чѣмъ ближе къ нашему времени, чѣмъ дальше отъ московской эпохи, тѣмъ больше и больше освобождались мы отъ представлений о религіозномъ и политическомъ единствѣ, какъ исключительной основѣ нашей національной самостоятельности. Отнюдь не отвергая этихъ основъ, по прежнему продолжая цѣлко держаться за нихъ, мы однако начинали провидѣть, что эта самобытность зиждется на всей совокупности нашихъ вѣрованій, вкусовъ, понятій, на всемъ духовномъ складѣ нашей жизни, на свойствахъ и чертахъ, правда, зачастую неуловимыхъ, но тѣмъ не менѣ стойкихъ и незыблемыхъ, какъ гранитъ. Но нуженъ былъ гений Пушкина, чтобъ раскрыть это съ непреложною ясностію.

Раньше, въ своемъ сознаніи, мы оставались лишь общечеловѣками — теперь намъ стало ясно, что мы прежде всего русскіе; теперь мы увидали тѣ особенности и спеціальныя черты, которыя дѣлаютъ насъ такими и отличаютъ отъ всѣхъ остальныхъ. Познавъ себя, могли мы увидеть свои достоинства и недостатки, понять, въ чемъ наша сила и слабость. Познать же свою силу, значить, и вѣру пріобрѣсти въ свои силы, а вѣдь только съ вѣрой въ себя и можно идти впередъ!

Вы скажете: да что-жъ тутъ особеннаго? Все это такъ просто: Тургеневъ и Гончаровъ, Достоевскій и Толстой, а за ними цѣлая когорта второстепенныхъ художниковъ-писателей со временъ Пушкина вплоть до нашего времени только и

знають, что „раскрываютъ“ намъ насъ. Но вѣдь Пушкинъ, а не иной кто обусловилъ это дальнѣйшее „раскрытіе“! Пушкинъ положилъ ему такое мощное начало! Идти теперь за нимъ по проложенному пути стало уже не такъ трудно.

Работа, совершенная Пушкинымъ, столь велика по своему значенію, что невольно оглядываешься назадъ и въ прошломъ ищешь ей объясненій. . . Вотъ уже десять вѣковъ минуло съ той поры, какъ выступилъ на поприще исторіи русскій народъ; за это время русская жизнь дала намъ трехъ гигантовъ, трехъ величайшихъ геніевъ: Владиміра Святого, царя Петра и Пушкина, которому по величію, размаху и результатамъ его творческой дѣятельности принадлежитъ полноправное мѣсто рядомъ съ тѣми двумя: первый—вдохнулъ пламень вѣры, приобщилъ насъ къ культурнымъ народамъ, посѣялъ вѣчныя идеи правды, истины, добра; второй — воплотивъ въ себѣ всю силу и мощь, накопленную вѣками развитіемъ государственнаго начала, величавымъ размахомъ руки очертилъ разъ навсегда тотъ широкій горизонтъ, въ просторныхъ предѣлахъ котораго съ тѣхъ поръ происходитъ культивированіе этихъ идей; третій — уловилъ форму, въ которую облеклись эти идеи, и тотъ духъ, которымъ онѣ прониклись въ сознаніи и въ творческой переработкѣ русскаго народнаго генія, а уловивъ и передавъ въ художественномъ образѣ, онъ и въ нашу собственную душу вдохнулъ силу самосознанія, положилъ начало духовной самостоятельности и равноправности съ другими культурными народами.

Неужели этого мало, чтобы признать въ Пушкинѣ одного изъ величайшихъ дѣятелей русской исторіи? . . . Великій Пушкинъ! . . . Но, говорятъ, великихъ людей создаетъ только великій народъ? . . . Такъ за одно уже это сознаніе да прогремитъ же во все концы Русской земли наше благодарное слово, да не изыскнетъ во вѣки благоговѣйная память о великомъ поэтѣ! . . .

Е. Шмурло.

Главнѣйшіе труды того же автора:

1. Замѣтка объ отношеніяхъ кievскаго митрополита Евгенія къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ. Спб. 1897.
2. Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888.
3. Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ кievскаго митрополита Евгенія Волховитинова. Выпускъ I. Спб. 1888.
4. О запискахъ Сильвестра Медвѣдева. Спб. 1889.
5. Петръ Великій въ русской литературѣ (опытъ историко-библиографическаго обзора). Спб. 1889.
6. Восьмой археологическій сѣздъ (9—24 января 1890 г.). Спб. 1890.
7. XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891.
8. Извѣстія Джіованни Тедальди о Россіи временъ Ивана Грознаго. Спб. 1891.
9. Иванъ Александровичъ Гольшевъ (къ 30-лѣтію его научной дѣятельности). Спб. 1891.
10. Русская Исторія на Московской Географической выставкѣ 1892 года. Спб. 1893.
11. П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи. Юрьевъ 1894.
12. Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и за-границу въ 189²/₃ и 189²/₄ гг. Съ 1 фототипіей. Юрьевъ 1895.
13. Востокъ и Западъ въ русской исторіи. Юрьевъ 1895.
14. Паденіе царевны Софьи. Спб. 1896.
15. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ. Спб. 1896.
16. А. Г. Врикнеръ (некрологъ). Спб. 1897.
17. Отчетъ о заграничной командировкѣ осенью 1897 года. Юрьевъ 1898.
18. Описаніе пути между Алтайскою ставицею и Кошъ-Агачемъ въ Южномъ Алтайѣ. Омскъ 1898.
19. Горные проходы въ Южномъ Алтайскомъ хребтѣ. Спб. 1898.
20. Русскія поселенія за южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на Китайской границѣ. Омскъ 1899.
21. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета. Юрьевъ 1899.
22. Очеркъ жизни и научной дѣятельности Константина Николаевича Вестужева-Рюмина (1829—1897). Юрьевъ 1899.